

А.Тарковский Суббота 21 июня.

Пусть роят щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
"Иди сюда, и смерть промчится мимо".

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрёт в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то всё известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю – не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришёл сюда и что случилось чудо.

Я всё забыл. В окне ещё светло,
И накрест не заклеено стекло.

A. Tarkovsky. Saturday, June 21.

There's one night left to build fortifications.
It's in my hands, the hope for our salvation.

I'm yearning for the past; then I could warn
Those who were doomed to perish in this war.

A man across the street would hear me cry,
"Come here, now, and death will pass you by."

I'd know the hour when the war would strike
Who will survive the camps and who will die.

Who will be heroes honored by awards,
And who will die shot by the firing squads.

I see the snow in Stalingrad, all strewn
With corpses of the enemy platoons.

Under the air raids, I see Berlin
The Russian infantry is marching in.

I can foretell the enemy's every plot
More than intelligence of any sort.

And I keep pleading, but no one will hear.
The passersby are breathing in fresh air,

Enjoying summer flowers in June,
All unaware of the coming doom.

Another moment – and my vision disappears.
I don't know when or how I ended here.

My mind is blank. I'm looking at bright skies,
My window not yet taped by criss-crossed stripes.